

Ю. В. Бромлей, М. В. Крюков

ЭТНОГРАФИЯ: МЕСТО В СИСТЕМЕ НАУК, ШКОЛЫ, МЕТОДЫ

Институт этнографии АН СССР совместно с учеными ГДР ведет в настоящее время работу по составлению словаря этнографических понятий и терминов. Первый выпуск этого издания уже увидел свет¹, второй готовится к печати. По установившейся традиции на страницах журнала «Советская этнография» предполагается обсудить основные идеи, которые найдут отражение в очередном разделе словаря², — соотношение этнографии со смежными областями гуманитарного знания, специфику важнейших направлений и школ, а также свойственной этнографии методике. Все эти аспекты теории и истории этнографии тесным образом связаны между собой, что собственно и определило объединение их в рамках одного выпуска.

Начиная с этнографического совещания 1929 г., когда было решено отказаться от бытовавшего до тех пор наряду с понятием «этнография» понятия «этнология» и именовать нашу отрасль науки только «этнографией»³, широкое распространение получил взгляд на нее как на историческую дисциплину. Это было в особенности характерно для начала 1930-х годов когда предпринимались попытки полностью отождествлять этнографические исследования с историческими⁴. Тогда же появилось определение этнографии как «вспомогательной исторической дисциплины»⁵. Односторонность этого ошибочного взгляда стала преодолевать уже в конце 1930-х гг., когда советские ученые начали постепенно возвращаться к представлению об этнографии как о науке, имеющей «особый предмет изучения по сравнению с историей»⁶.

Однако в первые послевоенные годы, для которых было характерно резкое усиление критики буржуазных теорий в этнографии, получила распространение мысль о том, что «в противоположность буржуазным ученым советские исследователи рассматривают этнографию как органическую часть исторической науки, как определенный раздел истории»⁷. Справедливости ради следует заметить, что именно в этот период в советской этнографии впервые после длительного перерыва намечился поворот к стороне изучения проблем современности⁸. По-видимому, подобной противоречивостью в определении задач этнографии и объясняется

¹ Свод этнографических понятий и терминов. Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986.

² Ср. *Першиц А. И.* Социально-экономическая терминология в понятийном аппарате этнографии//Сов. этнография. 1983. № 5. С. 59—68.

³ Совещание этнографов Ленинграда и Москвы//Этнография, 1929. № 2. С. 117.

⁴ Итоги Всероссийского археолого-этнографического совещания 1932 г.//Сов. этнография. 1932. № 3. С. 12.

⁵ 15 лет советской этнографии и ее дальнейшие задачи//Сов. этнография. 1933. № 1. С. 1.

⁶ *Струве В. В.* Советская этнография и ее перспективы//Сов. этнография. 1939. № 2. С. 4.

⁷ *Толстов С. П.* Основные задачи и пути развития советской этнографии//Кр. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР, 1950. XII. С. 6.

⁸ См., например: *Кушнер (Кнышев) П. И.* Об этнографическом изучении колхозного крестьянства//Сов. этнография. 1952. № 1. С. 135—141 и др.

высказывавшееся в те годы мнение, что нет необходимости специально заниматься обсуждением вопроса о месте этнографии среди других общественных наук, потому что любые споры на этот счет якобы неизбежно будут носить схоластический характер.

Положение начало меняться лишь с конца 1960-х гг., когда советские этнографы обратились к углубленному изучению фундаментальных методологических проблем этнографии. Исследования в области теории этноса закономерным образом поставили вопрос об определении предмета этнографии как науки.

Весьма плодотворным в обсуждении вопроса о месте этнографии среди родственных ей областей знания было выдвинутое в начале 1970-х гг. предложение различать ее объект и предмет⁹. Хотя само содержание этих понятий в последующей дискуссии¹⁰ трактовалось неоднозначно, однако с самого начала в соответствии с традицией, установившейся в отечественной этнографии, ее основным объектом были определены народы-этнос¹¹. При этом было подчеркнуто, что речь идет не только обо всех когда-либо существовавших народах, но и о современных этносах (как отсталых, так и развитых). Это представление ныне стало хрестоматийным¹².

Что касается предметной области этнографии, то в связи с этим был поставлен вопрос о критериях ее выделения. Как известно, при выборе такого рода критериев следует учитывать, что предмет каждой науки определяется далеко не произвольно и прежде всего зависит от вычленения из всей совокупности присущих ее объекту свойств именно тех, что исследуются данной наукой. Следовательно, типичный для данной науки угол зрения создается благодаря наличию у объекта специфических свойств. Поскольку объектом этнографии являются этносы — народы, очевидно, среди их типологизирующих, характерных черт и следует искать критерии для определения предмета этой научной дисциплины. Как показывают специальные исследования по теории этнических общностей, это такие свойства, благодаря которым подобные общности могут быть выделены среди других человеческих объединений: с одной стороны, функция объединения всех членов этноса (внутриэтническая интеграция), а с другой — функция отграничения общностей (межэтническая дифференциация). Общеизвестно, что такого рода функции наряду с языком присущи преимущественно традиционно-бытовым компонентам культуры (обычаи, обряды, народное искусство, устное творчество и т. п.), особенности которых отличают один этнос от другого.

Соответственно было предложено при выделении предметной области этнографии рассматривать компоненты этноса сквозь призму выполнения ими этнических функций. При этом в силу большей наглядности этноподдифференцирующих свойств (этнической специфики) именно такие свойства обычно выступают в качестве отправного ориентира для выделения предметной области этнографических исследований¹³.

Но разумеется, этнография призвана раскрывать весь облик этноса — не только его отличия, но и черты, общие с другими этносами. Определение особенного и общего всегда представляет единый процесс. Поэтому сравнительное изучение компонентов этноса как основной метод установления его специфики неизбежно предполагает и выявление черт, общих с другими этносами. При этом некоторые из таких черт могут оказаться присущими всем существующим и существовавшим этносам, т. е. иметь

⁹ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 204.

¹⁰ Там же. С. 205.

¹¹ Подробнее см. ниже.

¹² Этнография. М., 1982. С. 4. Правда, в нашей литературе высказывалось сожаление по поводу того, что выдвигание «этнических общностей разных типов в качестве основных объектов этнографической науки» приобретает программный характер (Алексеев В. П. Этногенез. М., 1986. С. 6). Впрочем, с этим трудно спорить, ибо автор этих слов не приводит убедительных аргументов, обосновывающих причины утверждения им того, что этносы не являются объектом науки, хотя ее название прямо указывает, что она изучает («описывает») их.

¹³ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. С. 207—210.

общечеловеческий характер, другие — лишь группе этносов и, следовательно, быть по-своему тоже специфичными.

Представление о том, что этнография рассматривает свои объекты сквозь призму выполнения их компонентами этнических функций, позволяет выделить основное ядро ее предметной области. Очевидно, что при таком подходе это ядро составит слой культуры в широком смысле слова, выполняющий этнические функции, т. е. прежде всего традиционно-бытовая культура.

Изучая народы всех эпох, начиная с глубокой древности, уделяя при этом особое внимание традиционно-бытовой культуре, этнография является глубоко исторической дисциплиной; и это относится не только к ее методологическим основам — историческому материализму, но и в значительной мере и к предметной области. Однако этнография имеет исследовательские зоны, выходящие за рамки собственно исторической науки. Историческая наука, в узком значении слова, трактует данные о прошлом человеческого общества, хотя и доводит его изучение до современности. Этнография же выступает и как конкретная наука, изучающая этническую специфику жизни современных народов. Более того, одной из ее задач является определение тенденций в развитии этнических общностей, прогнозы в области этнических отношений. Поэтому уже не раз справедливо отмечалось, что этнография не ограничивается реконструкцией прошлого, она вместе с тем рассматривает современные народы как живую, функционирующую в момент исследования действительность; ведь и эта действительность обладает определенными этническими свойствами. Иначе говоря, в этнографии есть исследовательские зоны, как входящие в рамки исторической науки, так и выходящие за ее пределы¹⁴. Это справедливо даже в отношении начальных этапов накопления этнографических знаний, но в еще большей степени свойственно этнографии, оформившейся в XIX в. в качестве самостоятельной научной дисциплины, а тем более для этнографической науки наших дней, одной из важнейших задач которой является изучение современности¹⁵. Трудно не согласиться с мнением, что прикладные функции этнографии полностью проявятся лишь в случае, если эта наука перестанет трактоваться как только историческая¹⁶.

Даже анализируя историю ныне существующих этнических общностей, этнограф применяет иные приемы, чем историк, использующий письменные источники. Последний всегда движется в направлении от древности к нашим дням. Этнограф же, говоря словами Д. К. Зеленина, полагает «более надежным исходить из современной картины, от той группировки населения, которая нам хорошо известна по непосредственному наблюдению; эту современную картину мы стремимся осветить историческими данными и в своих разысканиях идем от настоящего к прошлому, пытаемся, так сказать, раком в глубь истории»¹⁷. Несомненно, существенная роль в таком подходе к рассмотрению этнографической проблематики принадлежит методу непосредственного наблюдения, хотя и далеко не единственному в ней, но издавна дающему этнографам основную массу конкретных данных. Да и до сих пор полевые исследования, требующие, правда, дальнейшего совершенствования (прежде всего, рационального сочетания разных подходов)¹⁸, остаются для этнографов важнейшим средством получения информации об этнических свойствах изучаемых объектов.

¹⁴ Бромлей Ю. В., Шкаратан О. И. О соотношении истории, этнографии и социологии // Сов. этнография. 1969. № 3. С. 13—15.

¹⁵ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 355—373.

¹⁶ Пименов В. В. Прикладные аспекты этнографии: тенденции и проблемы // Сов. этнография. 1986. № 5. С. 4.

¹⁷ Зеленин Д. К. Великорусские говоры с неорганическим и непреходным смягчением задненебных согласных. СПб., 1913. С. 4. Заметим, что спустя более полувека после этого тот же вывод был сформулирован Ян Кунем (*Ян Кунь*. Очерки этнографии. Пекин, 1984. С. 12 — на кит. яз.).

¹⁸ Обсуждение проблем полевых исследований. (Окончание дискуссии.) От редакции // Сов. этнография. 1986. № 1. С. 69.

Характер предметной области этнографии в сочетании с особенностями основного исследовательского метода во многом определил ее соотношение с другими историческими дисциплинами при изучении прошлого. Как известно, важнейший раздел этнографической науки составляет так называемая историческая этнография, которая включает в себя прежде всего этническую историю. Этот раздел в то же время является существенным компонентом общен исторического знания. Показательно, что этнической историей занимаются как этнографы, так и специалисты по другим историческим дисциплинам, в том числе археологи. При этом историков и этнографов объединяет применение стадийного подхода в изучении динамики этнических процессов, в то время как во многих других случаях для исторических исследований характерен иной вариант исторического метода — хронологический-описательный, например, в гражданской истории. В рассматриваемом случае материал в значительной мере черпается из общей источниковедческой базы. Но здесь у этнографов, как уже говорилось, есть также своя специфика — применение материалов полевых наблюдений современных народов для ретроспективного изучения этнической истории. Правда, они в данном случае (особенно для ранних ее этапов) служат скорее дополнением, чем основным источником. Гораздо важнее свидетельства письменных памятников, а там, где таковые отсутствуют, показания археологических источников, которым нередко принадлежит определяющая роль при исследовании ранних этапов этногенеза. Но какие бы источники при этом ни использовались, фактически речь идет о разработке этнической проблематики, т. е. предметной зоны этнографии¹⁹.

При изучении современности работа этнографов особенно близко соприкасается с конкретно-социологическими исследованиями. Ученых обеих специальностей нередко интересуют одни и те же сферы общественной жизни (быт, семья и т. п.). Однако социолог и этнограф при этом отнюдь не дублируют друг друга: одинаковые объекты рассматриваются в разных ракурсах. При изучении современного общества социолога главным образом интересуют социальные связи, социально-классовые отношения, структуры и процессы, тогда как этнограф — этнические особенности этого общества. Вместе с тем в силу теснейшего переплетения социально-классовых и этнических отношений их практически невозможно исследовать порознь. Это и обусловило появление такой пограничной дисциплины, как этносоциология. Ее основная задача — изучение, с одной стороны, особенностей собственно этнических процессов в разных социальных группах, с другой — специфики социальных изменений в различных этнических общностях²⁰.

Всесторонняя характеристика народов-этносов и этнических процессов возможна лишь на основе изучения всех их компонентов. Отсюда особое значение комплексного подхода к предмету этнографии и использование данных, полученных другими науками, как гуманитарными, так и естественными. При этом этническая специфика выступает в качестве основного ориентира как для ее размежевания со смежными дисциплинами, так и для кооперации с ними. Применительно к социологии об этом уже шла речь выше. С социальной психологией этнография имеет общий раздел — этническую психологию. С историей культуры, искусствоведением, фольклористикой этнография тесно взаимодействует при изучении народного художественного творчества, с экономической наукой — при исследовании хозяйственной деятельности (этноэкономика). С лингвистикой этнографию связывает интерес к языковому родству народов, взаимодействию языковых и этнических процессов (этнолингвистика), взаимным языковым влияниям и заимствованиям, диалектическим и опомастическим исследованиям. С географией этнография контактирует при решении проблем взаимодействия этноса и природной среды, типов расселения (этноэкология), а также по вопросам этнического кар-

¹⁹ Бромлей Ю. В., Шкартан О. И. Указ. раб. С. 13—14.

²⁰ Бромлей Ю. В. Основные направления этнографических исследований в СССР // Вопросы истории. 1968. № 1. С. 48.

тографирования²¹. В исследовании численности народов мира, миграционных процессов этнография смыкается с демографией (этнодемография). С антропологией этнография наиболее тесно сопряжена в исследовании этногенеза (этническая антропология), а также истории первобытного общества. В той или иной мере этнография взаимодействует и со многими другими естественнонаучными дисциплинами (ботаникой, зоологией, океанологией и т. д.), данные которых способны дополнить этническую историю человечества²².

Представляется важным обсудить также соотношение этнографии с наиболее близкими ей научными дисциплинами, часто рассматриваемыми в качестве ее своеобразных «двойников» — этнологией, культурно/социальной антропологией и т. д. В русской научной литературе давно уже было принято считать этнографию и этнологию синонимами, хотя на Западе эти два понятия чаще всего противопоставляются как два уровня исследования — описательный и теоретический. «Нас поразило бы,— писала по этому поводу В. Н. Харузина,— историк, который в одну сторону откладывал бы весь исторический материал, например письменные памятники, архивные данные и пр., а в другую — те выводы, которые он из этих материалов делает²³. Однако признание синонимами этнографии и культурной антропологии²⁴ в настоящее время должно быть отвергнуто как неосновательное²⁵.

Этнография (в нашем понимании ее профиля) существенно отличается от культурно/социальной антропологии, поскольку последняя не ставит в качестве основной познавательной задачи изучение этнических общностей как таковых. И все же у этих дисциплин немало общего, особенно при обращении к отставшим в своем развитии народам; последнее обстоятельство и дает чаще всего повод для фактического отождествления культурно/социальной антропологии и этнографии в тех случаях, когда основную специфику этнографических изысканий практически сводят к характеристике тех или иных проявлений архаики, в первую очередь у этносов отсталых в промышленном отношении стран.

В связи с этим возникает, между прочим, вопрос о том, кого же нам следует считать основоположником современной этнографии. На этот вопрос отвечали по-разному; в нашей этнографической литературе укрепилось представление о том, что она ведет свою историю от трудов Л. Г. Моргана, причем была установлена даже дата рождения этнографии — 1877 г., когда увидело свет «Древнее общество»²⁶. Однако в этом труде, как, впрочем, и в других работах Моргана, проблемы этнического развития человечества по существу не рассматривались. Поэтому у нас гораздо больше оснований приписывать заслугу «создания» этнографии (этнологии) В. Эдвардсу, который в конце 20-х гг. прошлого века одновременно с А.-М. Ампером не только ввел в употребление новое наименование *ethnologie*²⁷, но и высказал ряд важных идей, связанных с определением предмета этой науки, а в 1839 г. основал в Париже первое в мире Общество этнологии. В этом смысле Ж. Лафито, которого иногда считают отцом современной этнографии, в действительности был лишь ее предтечей.

Возникновение этнографии как самостоятельной области знания было тесным образом связано с формированием особенностей представлений о ее предмете и методе, в значительной мере определивших специфическое лицо различных школ, складывавшихся на протяжении исто-

²¹ *Ethnography and Related Sciences*. М., 1977.

²² *Ibidem*.

²³ Харузина В. Н. Введение в этнографию. Описание и классификация народов земного шара. М., 1941. С. 15.

²⁴ Об этом говорит, например, Аверкиева Ю. П. в статье: Этнография и культурная (социальная) антропология на Западе (Сов. этнография. 1971. № 5. С. 11).

²⁵ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 98—113.

²⁶ Толстов С. П. К. Маркс и Л. Г. Морган // Сов. этнография. 1946. № 1. С. 243.

²⁷ Термин «*Ethnologie*» sporadически употреблялся в Германии еще с конца XVIII в.

рии этой науки. Переходя к характеристике последних, необходимо сделать два предварительных замечания.

Во-первых, требуется более дифференциальный подход к школам и направлениям, выделяемым нами в соответствии с их теоретическими позициями, специфическими методами и степенью последующего воздействия на развитие этнографической мысли. Пока для этого еще не разработано должного таксономического критерия, и мы говорим и об «английской функциональной школе», и о «школе Анучина», и даже о «ленинградской этнографической школе»²⁸, хотя это явления совершенно различного плана и масштаба. В подготавливаемый сейчас словарь предполагается включить сведения как об основных школах, оказавших в XIX—XX вв. решающее влияние на судьбы этнографической науки в различных странах мира, так и о более «локальных» направлениях, не вышедших за национальные рамки, ибо без учета последних представление об идейном арсенале этнографии было бы неполным. К сожалению, за пределами систематического изложения в данном случае остаются взгляды тех ученых, которые внесли свой вклад в теоретическую этнографию, но не создали своей «школы». К их числу принадлежит, например, С. М. Широкогоров, во многом превосхитивший то понимание сущности этноса, которое получило распространение в нашей науке за последние десятилетия²⁹. Исследованиям Широкогорова вообще не повезло. Некоторые из них, изданные на русском языке в Китае, остались почти неизвестными как для советских, так и для западных ученых, хотя отдельные его идеи были использованы, например, представителями китайской этнографической школы У Вэньцзао — Фэй Сяотуня³⁰.

Во-вторых, само понятие «этнографическая школа» требует известного уточнения в том смысле, что многие из школ, рассматриваемые обычно как явления истории этнографической науки, в действительности существовали в рамках всего пучка научных дисциплин, непосредственно изучающих функционирующую общественную жизнь,— этнографии, социально/культурной антропологии, социологии. Поэтому в сущности не вполне правомерно ставшее традиционным понятие «эволюционное направление в этнографии». Эволюционизм возник как идейное течение, свойственное всей еще не полностью дифференцированной области знания о человеке и обществе, и такие выдающиеся его представители, как Дж. Мак-Леннан и Э. Тейлор, не были этнографами в нашем сегодняшнем понимании этого слова. Лишь в работах А. Бастиана идеи эволюционизма получили развитие в собственно этнографическом аспекте.

Заслуга Бастиана заключается прежде всего в первоначальной (а потому, разумеется, еще весьма несовершенной) постановке проблемы соотношения общего и особенного в этнической культуре, для анализа которой он выдвинул три категории: «элементарные идеи», отражающие единство человеческой культуры вообще; «этнические идеи», возникающие в конкретных исторических условиях и характеризующие этническую специфику; «географические провинции», позволяющие изучать особенности этнической культуры в их пространственной соотнесенности³¹. К. Маркс весьма критически отзывался о стиле изложения и языке Бастиана, что отмечается у нас во всех учебниках по истории этнографии. Однако это, по-видимому, не должно быть основанием для общей недооценки вклада в науку одного из основоположников современной этнографии.

При всех различиях в понимании предмета научных изысканий у эволюционистов было общее идейное кредо — убеждение о принципиальном

²⁸ Гаген-Торн Н. И. Ленинградская этнографическая школа в двадцатые годы // Сов. этнография. 1971. № 2. С. 134—135.

²⁹ Широкогоров С. М. Место этнографии среди наук и классификация этносов. Владивосток, 1922; *его же*. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай, 1923.

³⁰ См., например: Ван Тунхуэй. Социальная организация хуаланьяо. Шанхай, 1936, С. 42 и др. (на кит. яз.).

³¹ Bastian A. Ethnische Elementargedanken in der Lehre vom Menschen. В., 1895; *idem*. Zur Lehre von den geographischen Provinzen. В., 1896.

единстве всего человечества, о прогрессе как всеобщем законе человеческой истории, об однолинейности общественного развития от простых форм к сложным. Этими основными концепциями определялись и особенности методики исследования в трудах представителей эволюционистской школы.

Поскольку свою главную задачу эти ученые видели в открытии и обосновании общих закономерностей эволюции общества и культуры, они естественно стремились к максимально широкому охвату фактического материала. В поисках новых этнографических фактов Бастиан почти треть своей жизни провел в путешествиях, девять из которых были кругосветными. Его единомышленники использовали для сбора первичной информации главным образом анкетный метод. С помощью этого метода Морган впервые в истории науки собрал уникальный по ценности и исчерпывающий (для того времени) по полноте корпус сведений об особенностях терминологии родства народов всех континентов; он был первым исследователем, разработавшим детальный вопросник по интересовавшей его теме и разославшим его затем своим знакомым и официальным представителям США за рубежом.

С позиций сегодняшнего дня нам не составит труда обнаружить в применявшихся эволюционистами методических приемах весьма существенные просчеты. Главным из них было игнорирование различий между отдельными культурами, неизбежно приводящих к возникновению «межэтнического барьера», разделяющего исследователя и носителя изучаемой культуры.

Наглядным примером тому может служить вопросник Моргана, включавший 234 (!) пункта: «Как вы называете отца своего отца?», «сына сестры отца своего отца?», «сына сына брата отца своего отца?» и т. д. и т. п. Но у многих народов, к представителям которых с подобными вопросами обращались интервьюеры, существовали системы родства, в принципе отличавшиеся от европейской, в силу чего большинство из этих пунктов были попросту непонятны информаторам. Неудивительно, что в ряде случаев Морган получал не реально бытовавшие термины родства, а лишь перевод вопроса, данный в утвердительной форме. Например, в графе «Как вы называете сына дочери сестры своей матери» значилось: «сын дочери сестры матери». Иногда информаторы, побуждаемые настойчивыми расспросами, конструировали такие словосочетания, которые совершенно отсутствовали в их языке и т. д. С другой стороны, достаточно адекватные ответы информаторов зачастую ставили в тупик интервьюеров. Так, однажды Моргану пришло от одного из его корреспондентов письмо следующего содержания: «Дорогой сэръ! Я получил Вашу просьбу сообщить систему родства туземцев этого острова и намеревался выполнить ее. Но, исследовав суть дела, я обнаружил, что у крайне невежественных туземцев вообще не существует системы родства. Они настолько далеки от цивилизации, что не знают, как им следует именовать своих родственников. Например, один старик сообщил мне, что сына сестры отца он называет сыном. Поэтому я решил не тратить попусту Ваше и свое время на такого рода исследование»³².

Особенностями применявшейся эволюционистами методики сбора информации определялось и то обстоятельство, что необходимости в разработке каких-либо специальных приемов ее обобщения или систематизации не было: материал, полученный способом интервьюирования или анкетирования, непосредственно мог быть использован в процессе исследования.

Что же касается методики интерпретации научных данных, то сторонники эволюционистского направления широко использовали сравнение сходных явлений, полагая, что «этнография имеет дело именно с такими общими и единообразными свойствами организованных человеческих групп»³³. Тэйлор предлагал даже применять метод статистического подсчета совпадений в распространении нескольких разных обычаев для

³² Morgan L. H. The Indian Journals. Ann Arbor, 1961. P. 9.

³³ Тэйлор Э. Первобытная культура. СПб., 1872. С. 6—7.

установления характера взаимосвязи между ними³⁴. Наконец, существенное влияние на последующее развитие этнографической науки (распространение ретроспективного подхода) оказал сформулированный Тэйлором «метод пережитков» (хотя в общей форме эта идея была выражена еще до Тэйлора русским историком и социологом К. Д. Кавелиным³⁵).

Формирование в конце XIX — начале XX в. нового направления диффузионизма справедливо рассматривается как одно из проявлений кризиса методологии буржуазной науки. Пытаясь объяснить черты общности в культурах человечества исключительно результатами контактов и заимствований, диффузионисты стремились дезавуировать то главное, что было свойственно эволюционистской школе — идею прогресса, поступательного развития общества. Они противопоставили историческому развитию пространственное перемещение явлений культуры.

Любопытной иллюстрацией того, как эволюционизм терял свои прежние позиции, уступая их диффузионизму, может служить научное творчество У. Риверса. Ему удалось уточнить ряд выводов Моргана, касающихся исторического соотношения типов систем родства (английский ученый исправил, в частности, ошибку Моргана, рассматривавшего «гавайский» тип как наиболее примитивный), но в своей книге «Родство и социальная организация» Риверс предстанет перед читателем последовательным эволюционистом, и все это исследование выдержано в моргановских традициях³⁶. Сдвиги во взглядах Риверса произошли во время написания им монографии «История меланезийского общества»: последняя часть второго тома этой книги рисует нам его автора уже как диффузиониста, рассматривавшего контакты народов как главный стимул трансформации их культуры и социальной организации³⁷.

Риверсу принадлежит идея так называемого генеалогического метода сбора сведений о системах родства народов мира, который существенно отличался от моргановского. Если Морган предлагал информатору отвечать на вопросы о том, как на его языке выражаются те или иные отношения родства, то Риверс сначала составлял генеалогию родственников опрашиваемого, а затем спрашивал, кем приходится ему тот или иной родственник. Это был значительный шаг вперед³⁸. Однако в целом применявшаяся диффузионистами методика сбора исходного материала не отличалась от приемов их предшественников и идейных противников. В этом смысле характерно использование Л. Фробениусом определенного набора черт культуры, в соответствии с которым осуществлялся (главным образом методом опроса) сбор фактического материала «в поле».

Французская социологическая школа выдвинула принципиально новый подход к задачам исследования реально функционирующих человеческих обществ. Именно общество как специфическая реальность, имеющая свои особые черты³⁹, находилось в центре внимания Э. Дюркгейма и его учеников. Их усилиями была значительно продвинута вперед разработка систематики «социальных фактов». По мнению последователей этого направления, исходной моделью любых классификационных схем является само общество с его упорядоченной внутренней структурой. Правда, для них общество было системой главным образом нравственных связей, причем каждая такая система рассматривалась как совершенно независимая, изолированная от других единиц. Пропагандировав-

³⁴ Тэйлор Э. О методе исследования развития учреждений // Этнографическое обозрение. 1980. № 2.

³⁵ На тот факт, что теория «остатков» К. Д. Кавелина фактически предвосхитила учение Э. Тэйлора, впервые указала М. С. Долгоносова в своей кандидатской диссертации, защищенной в Институте этнографии АН СССР в 1948 г. (см. Сов. этнография. 1949. № 1. С. 192).

³⁶ Rivers W. H. R. Kinship and Social Organization. Cambridge, 1914.

³⁷ Rivers W. H. R. The History of Melanesian Society. Cambridge. V. 2. 1914.

³⁸ Подробнее см.: Крюков М. В. К методике сбора полевого материала по системам родства // Сов. этнография. 1972. № 4. С. 43—44.

³⁹ Дюркгейм Э. Метод социологии. Киев — Харьков, 1899. С. 127.

шаяся им методика полевых исследований отличалась исключительной тщательностью и детальностью выявления всех многообразных форм «социальных фактов». В составленной им программе сбора этнографического материала М. Мосс требовал объективно и непредвзято фиксировать все многообразие проявлений исследуемого объекта⁴⁰. В практике работы учеников Мосса стремление уяснить мельчайшие детали того или иного явления порой оказывалось доведенным до крайности, граничащей с противоречием здравому смыслу. Так, в сравнительно небольшой по объему статье, посвященной методам полевой этнографической работы, китайский последователь идей французской социологической школы Лин Чуньшэн приводил вопросник, содержащий 842 пункта⁴¹.

Как бы то ни было, Дюркгейм, Мосс и их последователи ставили своей задачей преодоление априорной субъективности в методах сбора этнографических данных. Если и эволюционисты и диффузионисты полностью подчиняли цели накопления фактов заранее сформулированным теоретическим построениям, адепты французской социологической школы ратовали за точную фиксацию результатов непредвзятого наблюдения, свободного от привнесения преждевременных оценок.

Дальнейший шаг в этом направлении был сделан американской исторической школой. Выступая против применения сравнительного метода, Ф. Боас и его ученики считали необходимым изучать каждый отдельно взятый народ во всей совокупности особенностей его культуры. Не от теории к сбору материала, а от накопления фактов к их постепенному осмыслению, что в перспективе создает основу для открытия законов, управляющих деятельностью человеческого ума,— утверждал Боас⁴². «Научное изучение обобщенных социальных форм... требует... чтобы исследователь освободился от всех оценок, основанных на нашей культуре. Объективно, строго научное исследование возможно только, если нам удастся войти в каждую культуру на ее собственной основе, если мы проникнем в суть идеалов каждого народа и включим в наше общее объективное изучение культурные ценности, свойственные различным ветвям человечества»,— эта позиция Боаса⁴³ определила осуществленный его сторонниками переход от анкетирования к наблюдению как основному способу проникновения исследователя в систему представленной изучаемого им народа.

Для того чтобы получить доступ к пониманию особенностей быта исследуемой группы во всем их объеме, Боас впервые привлек к участию в полевой работе не только этнографов-мужчин, но и женщин. Этому американская этнография обязана появлением таких крупных ученых, как Р. Бенедикт, М. Мид, Т. Парсонс. Сам будучи профессиональным лингвистом, Боас предвещая своим ученикам требование обязательного знания местных языков.

Связанные с этим присмы исследования, разработанные Боасом, оказали заметное влияние и на советских этнографов, особенно в 1920-х гг. Активным популяризатором этой методки стал В. Г. Богораз; специфика «стационарного метода» вообще была близка тем нашим исследователям, которые начинали свою этнографическую деятельность в предреволюционные годы в качестве политических ссыльных. Богораз полностью разделял мнение Боаса о необходимости совмещения в одном лице этнографа и лингвиста. «Собственное знание языка,— писал он,— не может быть заменено работой с переводчиком. Хороших переводчиков вообще не существует. Конечно, переводчик туземец лучше перевод-

⁴⁰ Mauss M. Manuel d'ethnographie. P., 1947.

⁴¹ Лин Чуньшэн. Методы полевых исследований в этнографии//Мишнцзусюэ яньцзю цзицань. 1936. № 1 (на кит. яз.).

⁴² Boas F. Language and Culture. N. Y., 1940. P. 279—280.

⁴³ Boas F. Anthropology and Modern Life. N. Y., 1928. P. 201. Впрочем, принадлежность к изучаемому этносу tant для этнографа опасность «противоположного» характера — оставить открытым вопрос об этническом своеобразии компонентов данного этноса. К сожалению, игнорирование этого главного этнографического вопроса все еще характерно для большинства работ, авторы которых исследовали «собственный» народ.

чика русского, но в общем переводчик мешает работать. В результате работы с переводчиком является искажение фольклора, упрощение данных о религии»⁴⁴. О преимуществах стационарных исследований говорил и Б. А. Куфтин, требовавший, чтобы «исследователь в своей частной жизни, особенно в пище, труде, сливался с изучаемой народностью и не становился в отношении ее в особое положение, особенно в качестве административного лица, так как это в корне затрудняет работу и лишает материал объективной ценности»⁴⁵. При этом он считал, что «от самого этнолога, работающего в поле, необходимо безусловно требовать, чтобы он в порядке подготовки к экспедиции усвоил фонетику и основные морфологические особенности языка изучаемой народности»⁴⁶.

В целом то огромное внимание, которое уделялось школой Боаса проблеме преодоления исследователем «межэтнического барьера», знаменовало начало принципиально нового этапа в совершенствовании методов этнографической работы. В связи с этим представляется уместным сделать некоторое отступление и сказать здесь о традиционном для немецкой этнографии противопоставлении двух субдисциплин: *Volkskunde* — изучение этнографических особенностей своего народа и *Völkerkunde* — этнография зарубежных народов (тем более, что в подготовке обсуждаемого словаря понятий и терминов принимают участие наши коллеги из ГДР). Подобное деление этнографии, впрочем, свойственно не только Германии, оно существует также в некоторых скандинавских странах, а также в Японии и Китае. Недавно китайский этнограф Ян Тиншо указал на чрезвычайно важное обстоятельство, определяющее правомерность и необходимость разграничения *Volkskunde* и *Völkerkunde*: исследуя иноэтническую культуру, исследователь не может механически использовать для этого методик, успешно применяемую для изучения своего собственного народа, ибо в противном случае ему не удастся преодолеть «межэтнический барьер»⁴⁷.

Переход от исследования отдельных элементов культуры по заранее составленному вопросу к стационарному методу, целью которого было вживание этнографа в быт изучаемой группы, поставил вопрос о методике обработки и систематизации того огромного и разнородного материала, который, как правило, оказывался в распоряжении исследователя. В результате этого последователи Боаса стали предпринимать попытки обобщать эмпирические этнографические данные и картографировать ареалы распространения отдельных культурных явлений. На этой основе возникло созданное К. Уисслером учение о культурных ареалах, в известном смысле подготовившее разработку советскими этнографами теории хозяйственно-культурных типов.

Гораздо меньше было сделано школой Боаса в отношении методики интерпретации этнографических фактов. Это не удивительно: убежденность в том, что история каждого этноса по-своему уникальна, приводила к явному преобладанию конкретных исследований над фундаментальными обобщениями. У таких ученых этого направления, как П. Радин, отказ от построения каких бы то ни было типологических схем был доведен до своего логического предела⁴⁸. Тот же подход формулировался и в ранних работах Богораза: «Этнография в ее настоящем состоянии еще не созрела для обобщения и более всего нуждается в обильных и тщательно проверенных и научно исследованных фактах»⁴⁹.

Превзойти все предшествующие школы по степени воздействия на дальнейшее развитие этнографии, социологии, культурной антропологии

⁴⁴ Стационарный метод этнографии (тезисы доклада В. Г. Богораза)//Этнография. 1929. № 2. С. 125.

⁴⁵ Задачи и методы полевой этнологии (тезисы доклада Б. А. Куфтина)//Этнография. 1929. № 2. С. 127—128.

⁴⁶ Там же. С. 129.

⁴⁷ Ян Тиншо. О полевых этнографических исследованиях//Гуйчжоу миньцзу яньцзу. 1986. № 1. С. 129 (на кит. яз.).

⁴⁸ Radin P. The Method and Theory of Ethnology, an Essay in Criticism. N. Y.—L., 1933.

⁴⁹ Богораз В. Г. К психологии шаманства у народов Северо-Восточной Азии//Этнографическое обозрение. 1910. Кн. 84—85. № 1—2. С. 2.

суждено было английскому функционализму. Высказывалось мнение, что многие идеи функционалистского направления были выдвинуты еще в конце XIX в. создателем русского Этнографического бюро В. Н. Тенишевым⁵⁰. Несомненно, у основоположника функциональной школы Б. Малиновского были предшественники (сам он называл среди них даже Иисуса Христа, предрекшего: «По плодам их узнаете их!»⁵¹), тем не менее функционализм как система взглядов сложился в Англии в 20-х гг. нашего столетия. Главным его позитивным достоинством было требование рассматривать культуру (а изучение культуры Малиновский считал средоточием всех «ветвей антропологии») как органическое целое. Отсюда резко отрицательное отношение к крайностям диффузионизма и к эволюционизму с его теорией пережитков. Так, основной положительный аспект функциональной школы оборачивался своей противоположностью — недвусмысленно выраженным антиисторизмом. Именно этот порок, равно как и стремление функционалистов поставить свою науку на службу колониальной администрации, был главной причиной той непримиримой критики, которой эта школа подвергалась со стороны советских этнографов, в особенности в послевоенные годы. Вместе с тем нельзя не признать, что в большинстве советских изданий 1950-х гг. эта критика носила зачастую поверхностный абстрактный характер, что мешало ей быть достаточно убедительной.

Не ставя здесь задачи дать детальную характеристику даже основных направлений среди зарубежных аналогов этнографии (этому посвящается ряд специальных статей указанного выпуска словаря), отметим лишь, что представители многих направлений такого рода фактически не различают объекта и предмета своих изысканий; чаще всего в качестве объектно-предметной зоны они называют культуру⁵². Не лишне при этом еще раз подчеркнуть, что фактически имеются в виду современные исследователям общества, народы, культуры преимущественно отставших в своем развитии стран. Соответственно основным исследовательским методом считается метод непосредственных полевых наблюдений.

В нашей стране, как уже отмечалось, в качестве объекта этнографии издавна принято считать народы. Первая попытка теоретически обосновать это представление была предпринята еще в начале XX в. Н. М. Могиланским, высказавшим мнение, что этнография должна изучать особенности материального и духовного укладов жизни отдельных этносов⁵³. Одновременно, однако, отчетливо давала о себе знать тенденция сводить объектную зону этнографии до изучения народов, находящихся «на низших ступенях культуры»⁵⁴.

Далеко не одинаковыми были представления о профиле этнографической науки в первые годы после Великой Октябрьской революции. К 1920-м годам одной из характерных становится тенденция, связанная с восходящим к классическому эволюционизму взглядом на этнологию как на всеобъемлющую науку. Практическое воплощение этот взгляд получил в 1925 г., когда факультет общественных наук Московского государственного университета был преобразован в этнологический факультет, где велось преподавание и всех исторических дисциплин («этнофак» просуществовал до 1930 г.)⁵⁵. В то же время можно было встретить представление, что конечная цель этнографии — изучение морфологии и динамики первобытной культуры человечества⁵⁶.

После дискуссий конца 1920-х — начала 30-х гг. эта тенденция стала доминирующей в советской этнографии. Постепенное сужение профиля

⁵⁰ *Пименов В. В.* Рец. на кн.: *Веселкин Е. А.* Кризис британской социальной антропологии//Сов. этнография. 1978. № 2. С. 144.

⁵¹ *Malinowski B. A Scientific Theory of Culture.* N. Y., 1960. P. 147.

⁵² Подробнее см.: *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. С. 183—194.

⁵³ *Могиланский Н. М.* Этнография и ее задачи//Ежегодник Русского антропологического общества. СПб., 1909. С. 102—105.

⁵⁴ *Харузин Н.* Этнография. СПб., 1901. Вып. 1. С. 37.

⁵⁵ *Токарев С. А.* Ранние этапы развития советской этнографической науки (1917—середина 1930-х годов)//Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1971. Вып. V. С. 115—116.

⁵⁶ *Кагаров Е. Г.* Пределы этнографии//Сов. этнография. 1928. № 1. С. 20.

этнографии, предмет которой сводился к изучению пережитков первобытнообщинного строя методом этнографического наблюдения в быту современных народов, превратило ее в раздел истории первобытнообщинного строя, отличающийся от археологии лишь характером источников⁵⁷.

Однако уже в конце 1930-х гг. вновь поднимается вопрос о том, что советская этнография «не может ограничиться изучением племен». Перед этнографией в качестве основной выдвигается задача изучения социализма в быту, расцвета культуры всех национальностей Советского Союза⁵⁸. Эта точка зрения получила дальнейшее развитие в первые же послевоенные годы. Этнография в то время определяется как отрасль исторической науки, исследующая культуру всех народов (и не только бесписьменную) «в ее национальной или этнической специфике», вскрывающая «в ней напластования различных исторических периодов»⁵⁹. Вслед за тем в качестве центральной задачи этнографии выдвигается изучение современной культуры и быта. При этом среди этнографов довольно широкое распространение получает представление о необходимости и возможности проведения собственными силами всестороннего изучения современных культурно-бытовых процессов⁶⁰. Это в свою очередь сказалось и на общем понимании предмета этнографии. Она подчас характеризуется как наука с очень широким и неопределенными границами⁶¹.

Вместе с тем одновременно высказывалась справедливая мысль, что «чем дальше от первобытности и ближе к современности, тем уже предмет, содержание этнографической науки». При этом подчеркивалось, что, изучая социалистическое общество, «этнография концентрирует свое внимание на национальных особенностях социалистической культуры и социалистических форм быта»⁶².

Одним словом, уже в первые послевоенные десятилетия наметился угол зрения, позволяющий преодолеть крайности как чрезмерного сужения рамок этнографической науки, так и их безграничного расширения. Но такой подход, сформулированный в самой общей форме, разделялся далеко не всеми специалистами. Поэтому он нуждался в специальном теоретическом обосновании. И такое обоснование, как уже отмечалось выше, было дано в конце 1960-х — начале 1970 гг., позволив не только уточнить предметную область этнографической науки, но и определить ее соотношение со смежными дисциплинами.

Подобно тому, как понятие «этнос» в качестве основного объекта этнографии вплоть до 1960-х гг. у нас почти совершенно не изучалось в теоретическом плане, недостаточное внимание до сравнительно недавнего времени уделялось и системному изучению этнографических методов. Дискуссия о проблемах полевой этнографии, проходившая на страницах журнала «Советская этнография» в 1985 г., лишь в самой общей форме поставила вопрос о необходимости критически оценить используемую нашими исследователями методику сбора полевого материала, поскольку «советскими этнографами накоплен значительный опыт, отражающий как успехи, так и некоторые неудачи полевой работы»⁶³.

Главной проблемой в этом отношении является то, что в целом в нашей полевой этнографической практике удельный вес методов и приемов, связанных с наблюдением, непрерывно сокращается за счет различных форм опроса, в том числе массового анкетирования. При этом нельзя не

⁵⁷ БСЭ. 1933. Т. 64. С. 776.

⁵⁸ Абрамзон С. М. Программа ближайших работ Института этнографии АН СССР//Советская этнография. М.—Л., 1939. II. С. 3—9.

⁵⁹ Толстов С. П. Советская школа в этнографии//Сов. этнография. 1947. № 4. С. 15.

⁶⁰ К новым успехам советской этнографии//Сов. этнография. 1951. № 2.

⁶¹ См., например, Токарев С. А. Этнография народов СССР. М., 1958. С. 4.

⁶² Потехин И. И. Новые задачи этнографии в свете труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР»//Сов. этнография. 1953. № 2. С. 10—11.

⁶³ Вайнштейн С. И. Актуальные вопросы полевого исследования традиционно-бытовых культур народов СССР//Сов. этнография. 1985. № 3. С. 57.

видеть, что применение этих «более современных методов»⁶⁴ зачастую чревато реальной угрозой регенерации органических недостатков той методики сбора информации, которая была свойственна этнографии до переворота в ней, осуществленного Боасом. Отнюдь не случайно в ходе упомянутого обсуждения отмечалось, что тотальное увлечение методом опроса, осуществляемого по заранее (притом часто «стихийно и интуитивно») ⁶⁵, составленным вопросам, таит в себе серьезные издержки.

Сообщения информаторов вообще, как правило, менее ценный источник, чем непосредственное наблюдение, так как они сопряжены с двумя ступенями отражения образа объективной реальности — сначала в голове информаторов, а затем уже в голове исследователя. Поэтому даже уточненные и взаимодополненные сообщения об объектах не равнозначны непосредственному наблюдению этих объектов ⁶⁶. Ситуация еще больше осложняется, если «культурное расстояние» между информатором и исследователем связано с «межэтническим барьером».

Еще в 1970 г. В. С. Кондратьевым были опубликованы результаты эксперимента, целью которого было показать, насколько расходятся ответы респондентов в процессе интервью, если их опрашивают лица разных национальностей. Во время этносоциологических исследований в Татарской АССР были опрошены две группы татарского населения, причем в одном случае национальность респондентов и интервьюеров совпала, а во втором — опрос производился лицами русской национальности. В итоге распределение ответов на вопросы, призванных выявить установки в национальных отношениях, оказалось существенно различным. К сожалению, автор эксперимента воздержался от каких-либо выводов, ограничившись общим указанием на «некоторые сложности, которые необходимо учитывать на всех этапах организации этносоциологического исследования» ⁶⁷. Впрочем, справедливости ради следует заметить, что и метод непосредственного наблюдения отнюдь не исключает вербальных контактов с этнофорами и, стало быть, влияния национальности исследователя на характер их ответов.

Но так или иначе несомненно, что метод непосредственного наблюдения до сих пор нередко рассматривается в качестве основного способа получения этнографической информации. Так, по мнению М. Н. Шмелевой, «непосредственное наблюдение всегда составляло и продолжает составлять основу полевой собирательской работы этнографа... Каждый из видов наблюдения имеет свои положительные и отрицательные стороны, и это может служить предметом дискуссии, но бесспорно одно: наблюдения, как и вся полевая работа в целом, чтобы не быть поверхностными, должны быть достаточно длительными» ⁶⁸. Однако общая тенденция последних десятилетий заключается в постепенном отходе от «стационарной» полевой работы сначала в сторону «комплексно-интенсивного метода» ⁶⁹, а затем и в вытеснении комплексных экспедиций кратковременными групповыми или индивидуальными выездами, осуществляемыми к тому же преимущественно в течение летнего сезона.

Таким образом, требование совершенствования методов получения этнографами необходимой информации предстает перед нами не как благое стремление к абстрактному идеалу, оно имеет вполне конкретное содержание. Еще в 1968 г. был поставлен вопрос о необходимости прове-

---

⁶⁴ Обсуждение статей М. Н. Шмелевой и С. И. Вайнштейна по проблемам полевых исследований//Сов. этнография. 1985. № 5. С. 62.

⁶⁵ Теоретические проблемы реконструкции древнейшей славянской духовной культуры//Сов. этнография. 1984. № 4. С. 78.

⁶⁶ *Периц А. И.* К проблеме сравнительно-исторического синтеза//Народы Азии и Африки. 1980. № 4. С. 74.

⁶⁷ *Кондратьев В. С.* Эксперимент *ex post facto* в этносоциологическом исследовании//Сов. этнография. 1970. № 2. С. 132.

⁶⁸ *Шмелева М. Н.* Полевая работа и изучение современности//Сов. этнография. 1985. № 3. С. 50.

⁶⁹ *Читая Г. С.* Принципы и метод полевой этнографической работы//Сов. этнография. 1957. № 4. С. 24—30.

дения всесоюзного совещания по методике этнографической работы⁷⁰. Об этом же говорилось и во время дискуссии в 1985 г., уделившей немалое внимание вопросам полевых исследований.

Это представляется тем более необходимым, что в данной связи нередко остается в тени вопрос об изменениях, происшедших с исследовательскими объектами этнографии (и ее аналогов) с тех пор, когда в ней утвердился метод непосредственного наблюдения. Ныне этнограф, во всяком случае изучающий нашу действительность, имеет в качестве исследовательского объекта урбанизированные народы. У них в отличие от бесписьменных народов культура уже не представляет чего-то относительно единого для всех членов этнических общностей. Поэтому при ее исследовании нельзя экстраполировать наблюдения над той или иной небольшой группой на весь этнос в целом (конечно, если при этом задача не ограничивается сбором данных о пережиточных явлениях⁷¹). Соответственно необходимы массовые обследования, равномерно охватывающие основные социально-профессиональные и территориальные группы этноса, т. е. основанные на репрезентативных выборках. Это, конечно, требует перестройки, поскольку метод непосредственного наблюдения (особенно в стационарном его варианте) такую репрезентативность обеспечить не может. Не случайно в последнее время для изучения современных этносоциальных параметров народов нашей страны и их динамики все шире используются данные массовых опросов, охватывающих десятки тысяч респондентов как в городах, так и селах различных республик⁷². Разумеется, в свою очередь было бы ошибочным абсолютизировать значение этих опросов, которые при изучении этносов таят, как уже говорилось, определенные издержки. Но так или иначе несомненно необходимость максимального использования возможностей всех познавательных приемов, позволяющих раскрывать характерные черты объектов этнографических исследований: от полевых исследований до психологических тестов, не забывая, разумеется, и данные статистики, письменных источников, археологических материалов и т. д. Широкие возможности для фиксации этнографических явлений открывают аудио-визуальные средства (в частности, видеотехника).

Следует также иметь в виду, что используемые этнографией методы по своему назначению относятся к трем различным уровням: сбору материала, его обобщению, интерпретации⁷³. Между тем создание обобщающих характеристик этносов нередко затруднено тем, что своеобразие их компонентов оказывается как бы в скрытом состоянии. Эта ситуация особенно типична для современных этнических общностей, в которых, как известно, этническая специфика все более перемещается в сферу духовной культуры, в сферу психики. Отсюда вытекает одна из важнейших методических установок этнографического изучения отдельных современных этнических общностей — необходимость сравнительного анализа их компонентов, в первую очередь тех, этническая специфика которых сама по себе недостаточно очевидна. Особенно это важно, когда исследователь (да и читатель) относится к тому этносу, который выступает объектом изучения⁷⁴. На данное обстоятельство уже давно обращено внимание в отечественной науке; широко ведутся исследования в этом плане (так называемые кросскультурные исследования) в некоторых зарубежных странах. Однако приходится признать, что в нашей этногра-

⁷⁰ *Полищук Н. С.* Сессия, посвященная итогам полевых этнографических и археологических исследований 1967 г. // Сов. этнография. 1968. № 5. С. 142.

⁷¹ Между тем показательно, что у преобладающей части опубликованных у нас в послевоенные годы этнографических работ, характеризующих на основе полевых исследований современных народов отдельные компоненты их культуры, хронологические рамки ограничиваются концом XIX — началом XX в.

⁷² См., например: Социально-культурный облик советских наций (По материалам этносоциологического исследования). М., 1986. С. 444.

⁷³ Применительно к методам археологических исследований на это правильно указал Д. Кларк; подробнее см.: История первобытного общества. Общие вопросы, проблемы антропосоциогенеза. М., 1983. С. 54.

⁷⁴ *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии, с. 370; *Периц А. И.* К проблеме сравнительно-исторического синтеза. С. 70—82.

фин они еще не заняли должного места. И все же первые заметные шаги в этом направлении сделаны. За последние годы в советской этнографии начата разработка конкретных методик сравнительно-исторического исследования, в частности типологизации отдельных аспектов этнической культуры и самих этнических общностей. Достаточно сказать о серии работ по типологии основных элементов материальной культуры народов Европы и Азии — пищи⁷⁵ и жилища⁷⁶, а также об обсуждении проблем процедуры типологического исследования явлений культуры и его общих принципов⁷⁷. Типологический метод широко используется советскими этнографами для изучения социальной организации (в частности, семьи⁷⁸), фольклора⁷⁹ и т. д. Немаловажное значение имеет типологический подход к исследованию этноса как исторической категории⁸⁰ (эти проблемы были в центре внимания участников дискуссии об исторических типах этнических общностей, развернувшейся на страницах журнала «Советская этнография» в 1986 г.), а также этнических процессов⁸¹. Углубленные разработки в этой области — одна из насущных задач дальнейшего развития советской этнографической науки.

Что касается «уровня интерпретации», то в этой связи следует особо подчеркнуть кардинальные отличия советской этнографической науки от ее буржуазных аналогов. Для последних характерно наличие разнообразных концепций, лежащих в основе интерпретации изучаемых явлений. Именно этим в первую очередь обусловлено наличие в зарубежной этнографии различных научных школ. Принципиальное преимущество советской этнографической науки заключается в последовательном применении марксистской теории к изучению проблем этнических общностей и этнических взаимоотношений.

Основные этапы развития советской этнографии отмечены определенными различиями в подходе не только к методу, но и к предмету этой науки. Вследствие фактического отождествления этнографических исследований с историческими в конце 1920-х — начале 1930 гг. преобладала точка зрения, согласно которой этнография должна заниматься изучением общественно-экономических формаций в их конкретных вариантах. В послевоенные годы предмет этнографии соотносился преимущественно со сферой культуры. И лишь с конца 1960-х гг. всеобщее признание получило представление о том, что основным критерием для выделения предметной области этнографии должно быть рассмотрение компонентов этноса сквозь призму выполнения ими этнических функций, прежде всего под углом этнической специфики.

Такое понимание предмета этнографии определяет и ее внутреннее членение. На первый план в этом случае выступает теория этноса — этнографическая субдисциплина, изучающая структуру и функции этнических общностей во всем многообразии свойственных им внутренних и внешних связей. Несомненно, что последние десятилетия характеризуются определенным продвижением советских ученых в этой области; особое внимание к этой проблематике — одна из важных отличительных черт советской этнографической школы на нынешнем этапе ее развития.

Уточнение предмета этнографической науки и развертывание исследований в сфере теории этноса в свою очередь позволяют сейчас более конкретно формулировать задачи и возможности прикладной этногра-

⁷⁵ Этнография питания народов стран Зарубежной Азии. М., 1981.

⁷⁶ Типы сельского жилища в странах Зарубежной Европы. М., 1968; Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. М., 1979; Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Западной и Южной Азии. М., 1981, и др.

⁷⁷ Проблемы типологии в этнографии. М., 1979; Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984.

⁷⁸ Александров В. А. Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма // История СССР. 1981. № 3. Бромлей Ю. В., Кашуба М. С. Брак и семья у народов Югославии. М., 1982; Ганцкая О. А. Польская семья. М., 1986, и др.

⁷⁹ Жирмунский В. М. Эпическое творчество славянских народов и проблема сравнительного изучения эпоса. М., 1958; Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 1976, и др.

⁸⁰ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 57—87.

⁸¹ Там же. С. 233—242.

фии, значение которой в современных условиях резко возрастает: «В более отдаленной, но реально различной перспективе встает очень сложная проблема прогнозирования, планирования и управления этническим процессом в его целостном выражении»⁸².

Само понятие «этнические процессы», сформулированное и успешно разрабатываемое советскими этнографами, связано с выделением еще одного аспекта исследований, тесно связанного с проблемами как теоретической, так и прикладной этнографии. Вполне закономерно, что внимание исследователей привлекают прежде всего современные этнические процессы. Вместе с тем разработка связанной с ними проблематики позволяет по-новому подойти к определению предмета этнической истории, которая рассматривается теперь как развитие всех видов этнических процессов, протекающих в уже сформировавшемся этносе, и изменение под их влиянием основных характеристик этноса⁸³.

Выявление особенностей предмета, метода и внутренней структуры современных этнографических исследований в СССР не позволяет, на наш взгляд, согласиться с той точкой зрения, что неправомерно говорить о существовании «советской этнографической школы», поскольку противопоставление школ и направлений свойственно якобы лишь буржуазной этнографии. При всем многообразии конкретных подходов советские этнографы не только опираются на общую методологию, но и имеют общие научные традиции, на основе которых складывается все большее единство в понимании объекта, предметной зоны и методики исследований.

Единство диалектико-материалистических принципов научного анализа, лежащих в основе марксистской этнографии в целом, отнюдь не противоречит и тому реальному факту, что в странах социализма исторически сложились различные исследовательские традиции, а соответственно, и свои школы. Творческое взаимодействие двух из них, представленное этнографическими исследованиями в СССР и ГДР, может быть продемонстрировано на примере подготовки Свода этнографических понятий и терминов, один из разделов которого рассмотрен в предлагаемой статье.

⁸² Пименов В. В. Прикладные аспекты этнографии. С. 11.

⁸³ См. Волкова Н. Г. Этническая история: содержание понятия // Сов. этнография. 1985. № 5. С. 20.